

К.М. Шилихина (Воронеж)

**ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР? (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИРОНИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ)**

Статья посвящена проблеме интерпретации имплицатур иронических высказываний в различных сферах общения. Ирония – способ создания отношений между участниками дискурса. Сложность интерпретации иронии заключается в многообразии отношений: от солидарности до самозащиты.

The article is focused on the problem of ironic implicatures and their interpretation in different spheres of communication. Irony creates certain relations between the interlocutors. The interpretation of irony can be problematic due to the variety of possible relations: from solidarity to self-defense.

В современных исследованиях по проблемам вербальной коммуникации стало привычным мнение о том, что общение осуществляется с определённой целью, и что для достижения этой цели (или целей) участники общения выбирают те языковые средства, которые кажутся им оптимальными. Многие исследователи также полагают, что ведущая цель общения – это обмен информацией. Такое представление о человеческом общении очень напоминает применение компьютерной метафоры в исследованиях познавательных процессов: происходит упрощение реальной ситуации, и исследователю навязывается определённый способ размышлений. В повседневной жизни люди общаются не только для того, чтобы передать или получить информацию. Каждый раз в процессе коммуникации создаётся многомерная сеть отношений, внутри которой каждый из участников дискурса занимает определённую позицию.

Оценочность – общее свойство человеческого поведения, связанное с необходимостью ориентироваться в окружающем мире: «склонность к различению предметов окружающего мира (а фактически своих впечатлений о нем) – основное свойство человека» (Кашкин 2006: 19). Мы оцениваем все, что нас окружает, по различным шкалам: «ХОРОШО – ПЛОХО», «МНОГО – МАЛО», «ДАЛЕКО – БЛИЗКО». Оценка становится важным этапом процесса категоризации: именно на основе сравнения и оценки вырабатывается некий идеал.

Существует идеал и для человеческого общения; если быть точным, то таких идеалов несколько. Кто-то ищет идеальный

язык, и результатом поисков становятся либо мифы о естественных языках (Кашкин 2002), либо рождение искусственного языка (эсперанто, идо и др.). Кто-то видит идеал в носителе языка, который порождает бесконечное множество предложений на основе определённых грамматических правил, и такие поиски приводят к созданию формальных лингвистических моделей. Ещё один вариант идеала, в котором так или иначе задействован язык – это идеальный процесс коммуникации. Пытаясь приблизиться к этому идеалу, люди исследуют собственное общение, а для тех ситуаций, где информативность дискурса является приоритетной, они создают искусственные коммуникативные системы, разрабатывают различные системы нотации. Примером искусственных коммуникативных систем являются языки математики и логики. Такие системы требуют от пользователя умения идентифицировать знаки по определённым правилам, причем эта идентификация не зависит от условий употребления знаков (Соломоник 1995). Второе свойство жестких искусственных коммуникативных систем – наличие строгих правил для упорядочивания знаков (например, правила для применения логических операторов или правила преобразования математических выражений).

Иное дело естественные языки: языковые знаки обладают не только значением, но и смыслом (Кобозева 2000). Именно это обстоятельство требует от носителей языка не только способности идентифицировать языковые единицы, но и умения интерпретировать их. Интерпретация – это процесс, в котором взаимодействуют семантика и прагматика высказывания (Эко 2005). Поэтому можно утверждать, что на интерпретацию естественно-языковых выражений влияют как обстоятельства их употребления, так и наличие у участников дискурса определённого коммуникативного опыта. Из этого следует, что традиционное деление видов речевой деятельности на активные (говорение и письмо) и пассивные (слушание и чтение) не вполне оправдано: интерпретация того, что сказано или написано, может оказаться далеко не тривиальной задачей.

Сложность процесса коммуникации, тем не менее, не снижает стремления к идеальному общению и к описанию общения на основе сравнения с эталоном-идеалом. Попытки моделирования общения через описание идеала и отклонений от

него в реальном дискурсе можно обнаружить в многочисленных попытках формального описания дискурса (van Eijk 2005).

Возникновение и развитие лингвистической прагматики как самостоятельного исследовательского направления является ещё одним результатом стремления к идеальной коммуникации. Прагматика описывает общение на естественном языке, сопоставляя его с различного рода эталонами: примерами таких эталонов могут служить широко цитируемые Принцип Кооперации П. Грайса или принцип вежливости Дж. Лича. Прагматические исследования в лингвистике часто опираются на логические традиции – и это можно оценить как попытку найти компромисс между жесткими и мягкими коммуникативными системами.

Известно, что прагматические описания реального процесса коммуникации неизбежно упрощают его, да и языки логики не справляются с описанием дискурса. Это связано и со своеобразным пониманием истинности/ложности высказывания и с опорой на принцип композициональности. В результате для описания семантики высказывания различные варианты логической записи могут применяться со значительными ограничениями.

Наиболее проблемной для моделирования является непрямая коммуникация: косвенные высказывания не могут быть описаны на основе принципа композициональности; кроме того, механизм понимания косвенных высказываний остается предметом дискуссий.

Идеальным вариантом коммуникации в лингвистических исследованиях традиционно считается кооперативное поведение всех участников дискурса, которое выражается в соблюдении всех принципов и максим. Следствием такого поведения оказывается прямая передача информации. Однако в реальном общении по различным причинам значительная часть сказанного или написанного не соответствует этому идеалу. Многие из того, что когда-либо было произнесено или написано, требует от нас дополнительных усилий для правильной интерпретации.

Непрямая коммуникация является более сложной, поскольку говорящий маскирует истинную интенцию, а для правильной интерпретации высказывания адресату необходимо эту маскировку снять.

Та часть информации, которая не выражается напрямую, а восстанавливается адресатом в результате соотнесения высказывания с контекстом общения, в логике и лингвистической прагматике обозначается термином *имплицатура*.

По мнению логиков, наличие имплицатур связано с нарушением одного или нескольких постулатов Принципа Кооперации Грайса. Поэтому понимание имплицатур сводится к сопоставлению высказывания с идеальным вариантом – прямой передачей информации (Horn 1999).

Понимание имплицатур трактуется как рациональное коммуникативное поведение со стороны адресата, интерпретирующего высказывание. Рациональность коммуникативного поведения проявляется в том, что адресат действует согласно максимам Принципа Кооперации Грайса, и любое отклонение от этих принципов адресат высказывания должен воспринимать как значимый сигнал. Интерпретация высказываний, не соответствующих максимам Грайса, требует дополнительных усилий от адресата.

Основной вопрос при исследовании имплицатур – где проходит грань между тем, что сказано, и тем, что имеет в виду говорящий? Иными словами, на что опирается адресат при интерпретации косвенных смыслов?

Проблема интерпретации имплицитных смыслов для адресата заключается в том, что не все имплицатуры одинаковы. В ряде случаев импликация становится экономичной упаковкой дополнительной информации, которую адресат способен восстановить логически, опираясь на ситуацию общения и имеющийся опыт. Подобные импликации не влияют на отношения между участниками общения. Именно такие имплицатуры, связанные с опытом логического вывода информации, исследуются в рамках прагматики.

В других случаях импликация оказывается не столько способом передачи информации, сколько способом создания определённых отношений между коммуникантами. Такие имплицатуры не могут быть восстановлены путем логического вывода, поэтому в прагматических исследованиях они практически не упоминаются. Получается, что прагматика – это статический подход к интерпретации дискурса, поскольку контекст общения, включающий и отношения между коммуникантами, является не переменным, а постоянным.

Однако анализ дискурса без учета динамики отношений между коммуникантами не объясняет, почему в ряде случаев говорящий имеет в виду одно, а говорит совсем другое (например, так происходит в случае с иронией и другими вариантами непрямой коммуникации).

Непрямой способ общения может быть избран говорящим не только для передачи большего количества информации при меньших затратах, но и для установления определённых отношений с другими участниками общения.

Таким образом, для анализа косвенных способов общения требуется динамический подход, в рамках которого могут быть учтены изменения в отношениях между участниками дискурса.

Ирония как одна из разновидностей непрямой коммуникации не соответствует коммуникативному идеалу. Это тот случай, когда то, что «имеет в виду» говорящий, не выражается эксплицитно, и в результате смысл высказывания оказывается гораздо более сложным по сравнению с тем, что сказано на самом деле.

В прагматических исследованиях понимание импликации иронического высказывания сводится к нарушению максимы качества Принципа Кооперации (Cutting 2006: 38), а интерпретация иронии сводится к «замене знака»: положительную оценку адресат меняет на отрицательную. Такая традиция понимания иронии сложилась в стилистике и риторике, где ирония рассматривается как фигура речи, которая интерпретируется «от противного»:

«Ирония – троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики» (Русский язык. Энциклопедия 1998: 159).

В повседневном общении ключом к такой интерпретации иронии служит несоответствие сказанного положению дел. Действительно, в ряде случаев говорящий выражает своё негативное отношение к происходящему, прибегая к внешне положительной оценке:

Ну вот! Замечательно! Теперь я ещё и посуду за твоими гостями мыть должна! (устная речь)

«Замена знака» при интерпретации таких высказываний становится возможной, если адресат соотносит их с общим кон-

текстом коммуникации. Можно также сказать, сигналом к замене знака служит содержащееся в реплике противоречие, которое и помогает интерпретировать его от противного: слова *замечательно* и *должна* несут противоречивую информацию. Обычно действие, которое человек совершает по необходимости, не оценивается как замечательное.

Однако далеко не каждое ироническое высказывание может быть интерпретировано «от противного». В ряде случаев сигналом иронии является отсылка на предыдущий опыт общения либо на то, что сказано:

Дочь за обедом жалуется на неудачи во время игры в баскетбол в школе. Во время разговора девочка ест одно печенье за другим:

– Прикол мам, у меня по физкультуре три сегодня.

– А чего вы делали? Опять через козла прыгали?

– Да нет... На баскетболе... у меня не получается, я из десяти раз попадаю только один!

Дочь берет очередное печенье.

Мать:

– Поля, ты голодная?

Поля смотрит, пауза.

– Да! (улыбается)

– Ну куда ты столько ешь? Вот тут ты... у тебя стопроцентное попадание в корзину. Вот в эту корзину – тут да. Все броски трехочковые.

– Ну что всегда... Что, поесть нельзя?

Гарантией правильной интерпретации высказывания становится общий коммуникативный опыт. Комментируя процесс поглощения печенья, мать называет рот корзиной. В результате еда уподобляется забрасыванию мяча в баскетбольную корзину. Импликация высказывания матери – отказ в праве на жалобу дочери. Реакция ребенка показывает, что импликация понята правильно, поскольку девочка знает, что тот, кто много ест и быстро полнеет, не может претендовать на успехи в спорте.

Цель импликаций иронического высказывания – создание определённых отношений между говорящим, адресатом и объектом иронии. Информативность таких импликаций невысока (если информация понимается как знание, передаваемое с помощью определённой знаковой системы). Иронические высказывания несут в себе дополнительные смыслы, которые в большей степени являются импликациями говорящего, а не

языковых знаков, и это обстоятельство дополнительно осложняет интерпретацию высказывания.

Проблема интерпретации иронической имплицатуры – в её сложности. Сложной её можно считать постольку, поскольку имплицитруется не информация, а определённые отношения между говорящим, адресатом и объектом иронии. Такая импликация не может быть проверена без нарушения норм и традиций общения: те отношения, которые создаются между говорящим и адресатом иронического высказывания, не обсуждаются эксплицитно. Например, нельзя открыто сказать «я насмехаюсь над X», или «я не считаю вас «своим», или «я более умен по сравнению с X», или «ваше мнение для меня ничего не значит». С точки зрения коммуникативного идеала это нарушение принципа вежливости. При необходимости выразить такое отношение говорящий вынужден искать другие пути. Поэтому можно утверждать, что в случае с иронией имплицатура, как правило, является намеренной. Дополнительно осложняет интерпретацию иронического высказывания и то обстоятельство, что ирония может имплицитировать различные отношения, и адресат должен определить, какие именно отношения создает говорящий.

Используя иронию, говорящий может имплицитировать агрессию, самозащиту, оппозиционность, разделение на «своих» и «чужих» с дистанцированием от последних. Ирония может стать сигналом повышения авторитетности говорящего. Однако все эти отношения возникнут только в том случае, если адресат сможет правильно интерпретировать импликацию говорящего.

Наиболее очевидной является импликация солидарности в случае самоиронии, когда объектом иронии становятся и говорящий, и адресат одновременно. Примером такой коллективной самоиронии являются тексты «голоса за кадром» в программе «НАША RUSSIA». Между говорящим и аудиторией создаётся отношение солидарности за счет многократного повторения местоимений *мы, наша, своя*. Объект иронии в такой ситуации может трактоваться максимально широко, а у адресата есть выбор, причислять ли себя к тем, о ком идет речь, или дистанцироваться от тех, кого обозначают местоимением *мы*:

Мы живем в самой прекрасной стране на свете, и все остальные страны нам завидуют. Ведь именно мы первыми полетели в кос-

мос и первыми прилетели из него. Мы придумали водородную бомбу, автомобиль «ЖИГУЛИ» и много других страшных вещей. Это мы можем делать три вещи одновременно: сидеть на унитазе, читать газету и курить. Это мы храним лук в колготках, а перец в джинсах. Это мы гордо называем свою страну Россией, а иностранцы завистливо говорят Russia. Но все-таки она наша: Наша Russia!

Для оценки приведенного текста не просто как юмористического, но как ироничного, необходимо принимать во внимание ярко выраженную интертекстуальность данного фрагмента дискурса. Голос за кадром воспроизводит стиль вещания теледикторов в советскую эпоху: именно в этом стиле сообщалось об успехах социалистического общества. Те, кто не знаком со стилем новостных программ советского телевидения, может не оценить этот текст как ироничный (и это указывает на то, что ирония не существует как готовый языковой инструмент, но может возникать в результате взаимодействия говорящего и адресата). Юмористический эффект данного фрагмента возникает в результате несоответствия тональности сообщения его нарочито сниженному содержанию, а иронический – в связи с отсылкой к традициям советского телевидения.

Ироническое высказывание может имплицировать отношения авторитетности. Примером такой импликации могут служить фрагменты заметки В. Челикова «МОЛОДЕЖЬ И ВЫБОРЫ: КОНЕК АНТОНА СИХАРУЛИДЗЕ» в молодежной газете «РЕАКЦИЯ» о прошедшем в Москве первом заседании Общественного совета движения «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»:

«Телеведущая Тania Геворкян», – представилась телеведущая Тания Геворкян. «Не замужем», – добавила она после короткой паузы, вызвав оживление мужчин.

Иронический эффект создается благодаря несоответствию ожидаемой и реальной информации: обычно сообщения о деятельности проправительственных общественных организаций носят официальный характер, и читатель не ожидает получить информацию о личной жизни членов этих организаций.

Далее журналист с помощью эпитетов характеризует собравшихся как людей, весьма далеких от политики и неспособных на серьезные действия:

«Нет, только не коньки!» – раздался крик Тани Геворкян. Оказалось, что неутомимый Сихарулидзе нашептывал ей идею ледовой дискотеки. В этот момент принесли кофе, элегантный и гуманный актер Игорь Петренко угостил меня «ПАРЛАМЕНТОМ», а дис-

куссия приобрела строго научные формы, касающиеся огромного мозгового потенциала студентов и молодых ученых.

Оценка состоявшегося заседания не как политического события, а как модной тусовки снижает авторитетность его участников и принятых ими решений, а заодно повышает «актив» автора.

Заметим, что автор письменного текста располагает только языковыми средствами для создания иронии и имплицирования отношений в треугольнике «АВТОР – ЧИТАТЕЛЬ – ОБЪЕКТ ИРОНИИ». В приведенном выше фрагменте ироническое отношение к заседанию создаётся не только с помощью эпитетов, но и на контрасте разговорной и официально-деловой лексики.

Другой тип отношений, которые могут возникать между участниками дискурса – это самозащита. Примером такой имплицатуры может служить заметка «ЭТИКА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ», опубликованная в журнале “FORBES” в январе 2007 г. В заметке процитированы слова журналистки Ольги Романовой:

Елена Батурина стала единственной в стране женщиной-миллиардером как раз в то время, когда её муж возглавлял самый влиятельный субъект Федерации – Москву. Как известно, этот муж и поныне её возглавляет, а Елена Батурина остается миллиардером. Шансы на то, что Елена Батурина могла бы стать миллиардером и до Лужкова, равны нулю. Шансы на то, что Елена Батурина могла бы стать миллиардером в другом субъекте Федерации, например, в Тамбовской или Курганской области, невелики, и к нулю стремятся. Однако возможно – и даже очевидно, – что капиталы Елены Батуриной нажиты честным путем в рамках существующей законности, а также актуальными в текущем моменте понятиями о границах допустимого. Тем не менее, рассуждения мужа Елены Батуриной и других её представителей об этике вообще и журналистской этике в частности в свете вышеперечисленных обстоятельств представляются избыточными. Закройте театр, публику давно тошнит.

Защита профессионального права журналистов рассуждать о действиях властей строится на очевидном противопоставлении «власть – журналисты и общество». Явное понижение авторитета мэра Москвы – в заметке его многократно иронично называют «мужем Елены Батуриной» – это имплицитное утверждение права говорящего на высказывание собственного мнения даже в адрес высокопоставленных чиновников.

Используя ироническое высказывание, говорящий может имплицировать «расстановку сил», как правило, ставя себя в

наиболее выгодное положение. Примером сочетания отношений авторитетности и противопоставления «СВОЙ – ЧУЖОЙ» является диалог Дж. Оруэлла с неким сторонником коммунистической идеологии, приведенный в книге “THE NEW OXFORD BOOK OF LITERARY ANECDOTES”. Объектом иронии в данном диалоге одновременно являются и коммунистический режим, и собеседник Дж. Оруэлла, который не видит очевидных проблем и пытается оправдать репрессии в Советском Союзе:

– *Well, you can't make an omelette without breaking eggs.*

– *Where's the omelette?*

Вопрос писателя показывает собеседнику, что он подобрал неуместную аналогию – и эта неуместность снижает общий авторитет сторонника коммунизма. Кроме того, аллегорическое упоминание омлета в данном случае должно вызывать ассоциацию с положительным результатом, достигнутым благодаря определенным действиям, которые сами по себе могут казаться жесткими или неуместными. Отсутствие такого результата – повод для иронии Оруэлла по отношению к действиям коммунистов.

Отношения несогласия и противостояния между автором и объектом иронии характерны для общественно-политического дискурса: критика властей в ироническом ключе помогает имплицитно выразить негативное отношение к сложившейся ситуации. В качестве примера воспользуемся фрагментами статьи П. Черникова «АППАРАТНЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ», опубликованной в еженедельнике «ВЛАСТЬ». Статья имеет подзаголовок, по форме и стилю напоминающий аннотацию к учебному пособию:

Руководство для руководителей по подчинению подчиненных, иллюстрированное примерами из рабочей практики президента РФ Владимира Путина. Рекомендовано для топ-менеджеров, менеджеров среднего звена, прочих руководителей и их подчиненных.

Далее автор излагает принципы руководства в виде утверждений, для понимания которых читатель должен пользоваться различными «техниками», поскольку ирония создается различными языковыми средствами и приемами.

В ряде случаев формулировка правила поведения для руководителя осуществляется с помощью гиперболы:

§ 5 Все отвечают за все

Каждый из подчиненных в ответе за все. А значит, имеет смысл напоминать им, что в случае чего в первую очередь будут виноваты все подчиненные без исключения.

Понимание от противного помогает интерпретировать абсурдные утверждения, например:

§ 13 Сокращение сроков

Подчиненные должны делать все быстрее, чем могут. Все сроки по определению раздуты, следовательно, для оптимизации работы их необходимо сокращать.

Каждый параграф содержит примеры речевой деятельности В.В. Путина, и это обстоятельство делает его основным объектом иронии, с которым и создаются отношения несогласия. Но президент – не единственный объект иронии автора статьи.

Статья завершается практическим заданием «Проверьте себя на подчинённость», по результатам которого читатель может оказаться *никем, мелкой сошкой, исполнителем средней руки, крепким замом или матерым лизоблюдом*. Очевидная ироническая номинация делает читателя ещё одним объектом иронии, с которым создаются уже другие отношения.

Ирония как имплицитное выражение несогласия часто воплощается в афоризмах:

There is no smoking in bars now. And soon, no drinking and no talking (The Complete Idiot's Guide to Jokes 2006: 231).

При анализе иронии важно помнить, что понимание имплицитности, которую содержит ироническое высказывание – это динамический процесс. Иногда адресату требуется дополнительный ход, чтобы проверить правильность своей догадки:

– А они там хотят, чтобы мы им списки эти... сегодня сдали...

– Ну да, щас все брошу.

– Чего, не будем сегодня делать? (устная речь)

Ирония в различных видах дискурса становится способом выразить больше при меньшем усилии. «Сказать» и «иметь в виду» в случае с ироническим высказыванием не совпадают, поэтому адресату требуются дополнительные усилия, чтобы понять, что говорящий, сказав нечто, имел в виду совсем другое.

Таким образом, ироническое высказывание может имплицитно выражать различные отношения, инициатором которых выступает говорящий. Сложность интерпретации иронических высказываний заключается в том, что адресат должен распознать, какие именно отношения устанавливает говорящий.

Импликация отношений является в большей степени прагматической характеристикой высказывания, хотя и создаётся при помощи языковых средств, т.е. в некоторой степени её можно отнести и к сфере семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 260 с.
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В.Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. научн. трудов. – Вып. 3. – Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – С. 4-34.
4. Кашкин В.Б. На лезвии бритвы: Эссе Homo / В.Б. Кашкин // Человек как субъект коммуникации: Универсальное и специфическое: коллективная монография. – Воронеж, 2006. – С. 12-26.
5. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И.М. Кобозева // Язык о языке. – М., 2000. – С. 303-359.
6. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. РАН; Гл. ред. Ю.Н.Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая рос. Энциклопедия; Дрофа, 1998. — 703 с.
7. Соломоник А. Семантика и лингвистика / А. Соломоник. – М. : Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
8. Эю У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эю. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 502 с.
9. Cummings L. Pragmatics. A Multidisciplinary Perspective. – Mahwah, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – 336 p.
10. Cutting J. Pragmatics and Discourse. – Routledge, 2006. – 187 p.
11. Horn L. Implicature // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences / Edited by Robert A. Wilson, Frank C. Keil. – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1999. – Pp. 391-394.
12. Van Eijk J. Discourse Representation Theory // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd Edition. – Elsevier Science, 2005. – Pp. 660-668.

Источники

1. Наша Russia. – (www.tnt-tv.ru/programs/NashaRussia/).
2. Романова О. Этика семейной жизни /О. Романова // FORBES. – 2007. – # 1. – С. 20.
3. Челиков В. Молодежь и выборы: конек Антона Сихарулидзе / В. Челиков // Реакция. Реальность в ощущениях. – 2007. – № 6. (80) 19 февраля – 1 марта. – С. 9.

4. Черников П. Аппаратный самоучитель / П. Черников // Власть. – 2007. – № 18 (722) 14 мая. – С. 69-78.
5. The Complete Idiot's Guide to Jokes / Ed. by L. Getlen. – Alpha Books, 2006. – 320 с.
6. The New Oxford Book of Literary Anecdotes / Ed. by J. Gross. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 385 с.

Получено 29.05.2007 Воронежский государственный университет

Шилихина, Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета